

Выбор места

1.

Согнутый, как коготь, он стоял,
травинку жуя, опираясь на посох. Озирал округу,
фильтруя
высокогорья. Внизу -
мотылек-деревенька-голь,
пара боровов, и тошнит их грязью.
Правее - былинная битва, и люди мычали без
анестезии.

Ответ унижает постановку вопроса.

Разнотравие сумасшествия
и ветер до пят. Медленная нежность,
как тень от ястреба обнимает неровности поля.

Пыжся, нагуливай звук,
землемерша-линейка,
как солдаты гогочут во время перемирия. Ш
ум
битв до изобретения огнестрельного
оружия, - сверл
сражение.
Наитие, ищи себя в.

Левый берег Днепра оказывался пологим. Мосты
 дрожали на капризных скрепах капель
 тумана - перелетая реку оптом,
 потом - фотографировались взрывом.
 Пейзаж не сходил с ответом.
 Плюс добавились неизвестные острова,
 из-за тысячелетий видимые едва.
 Бесстрашно и глухо катились лодки.

Какое выбрать место, чтоб поставить храм.
 Через тыщу лет там шелтал спецхран.
 Деревья стояли как вкопанные

*лягушку, как рюкзак увеличительного лета,
 все перелаковал с остервенением клыкастым
 переплета.*

*Он напряжен, как состязание двух ослабевших юл.
 Он звал тебя, когда в тебе тонул.*

*Есть карты невостребованных трасс
 и город, вросший в транс мильонной
 переделки,*

*по-шлимановски он проветрил свой каркас
 и на планшетке перебросил стрелки.
 Ночь. Рюмки ободок дрожит, как твой браслет.
 Трамвай в рапиде путь сучит, идя на нет.*

*Гора, дрожа, дважды замещает Курский вокзал.
 Сны переименовывают объекты, которых нет.
 Равнины тормозятся, засыпая под углом теннисного мяча,
 целляющего сетку.
 Снящиеся собаки не берут след...*

в латунный
судорожный язык. И тьма общалась,
как асбест с асбестом.
Где выбрать место?

Быль

У меня гость: Ызию, островной индонезиец, неподражаемый художник, и поселился на несколько дней. Он соорудил гнездо на моей кровати, ввел собачку с тройным хвостом и намордником, сплетенным из голубой коры фольклорными умельцами. Собачка невесома почти: какая-то пеньюарная.

Мы общались с туземцем рисунками, а иначе он был нем, и его испуг от английского смешивался с диковатой заносчивостью.

Ызию безостановочно творил графику. Он состригал свои длинные волосы и приклеивал их к бумаге, – так получались линии, потом Ызию подкрашивал листы акварельными расцветками из раствора собственной крови, которой ему хватало пол-шприца на день. Он разбавлял кровь водой из под крана. Всяким утром я кипятил для гостя иглы в черной кастрюльке, и в той же воде варил говяжьё сосиску для узиёвской искаженной собачки. Сколько реальности, сколько романтики! Сколько?

И?

Заочность

1.

Ходили и мы по крышам элеваторов с пассивным
запасом
молча словно планету держа в зубах
я - Запятая Ты - Двоеточие; был бойкий город
как на ладони:
цепенели пожары пучась крутым замесом
и нас грамматиков мира вычеркивал страх
нас диктовал Флоберу новый св. Антоний

2.

Справа - внизу - табуны - кивая: водоросли
на стремнине
слева - город как таковой - девочки хунта
мы выпили за сотворение мира
за плечами Джоконды в гористой сини
обозревая из ненаселенного пункта
гибель бегущую волоском визира

3.

неукоснительного Огрызался маяк условный
Зыбилась крыша; в море всплывал ботинок
Друг слал телеграммы проектов своих похорон
важничая и кривляясь словно
грезил в аду конвоир-Барвинок
вцепившийся в плечи галлопирующих ворон.

4.

и Тебя подменили на бесстрастном отрезке
 Океан входил в скользящий график
 Твой поезд въехал в зону пожара
 дружок мой дрался с замороженной рыбой Тебя
 подменили во время крушения

Бывает но

важно не обмануться в сумятице

Теперь

Кто Тебе что откроет?

Вепрь?

5.

Есть солдат аляповатый и червь
 пахнувший вермутом (все спрятано за спиною)
 В свидетелях нет подлога -
 туда-сюда спасатели и пожарники Чем
 обеспечено свидетельство?
 Мною.
 Но нет залога

6.

И затворники стали добытчиками
 Китаец лежит на площади как чешуйка
 История хочет как хуже и заводит моторы

Если бы мы были обычными
было бы жутко
фотографии как гнилые помидоры

Фотограф на киноплощадке

Вплотьмах ромбовидные всадники перелетают овраг.
Сливаются, словно Ю и 10:
скрылись за видеоискателем под улю-лю зевак.
Каскадеры ругаются и ничего не весят.
Я с вонзенным штативом верчусь туда и сюда.
На дне оврага смешалась с клоачным паром вода.

На съемках такой халтуры глаз проворонишь точно.
Гляжу - ускакала массовка в поисках нового вермута.
Место для храма я чуял уже заочно.
Цапля дважды подчеркнута на эполетах омута.
На море - в часе отсюда - жабы шалман завели.
Руины с могучими икрами арок и корабли.

Надо поставить храм и знать как его снимать.
Каскадеры в многоугольных шляпах, как бензольные
кольца на тросточке.
К морю бреду я, к морю, лиман, говорю, лиман, -
пористая персиковая косточка.
На запятках зрения я успел по вселенной всей.
Кто был первый фотограф? - Персей.

Кто

Г.С. Дроговоз

Кто жарит рыбу на сале?
Не смешивайся: не поможет.

Вещь заменяет событие.
Но совместимы Олень и Дюрер.

Борцы выпрыгивают из кавычек ковра.
А ты - испаряясь, как изо льда.

Кто уронил, как телефонную трубку,
в термометре ртуть?
Ты лежишь в гробу
с булавкой во рту.

В тебе есть, чего нет, - непарная красота.
Твои черты испаряются, как высота.

Твоя челюсть летит в трамтарары,
как сорвалась бы с шеи гитара,
а волосы - цвета щуки.

И око напутствует: меть в молоко.

Гордыня мертвых сильнее, чем "Чем",
и мы выбираем вопросник: "Кто"

Море - это то, что не может на ноги встать
по свистку.

Наперсница моря, ты дважды жива

Алеша

Бессмертник

У них рассрежены затылки.
Бессмертник - соска всякой веры.
Их два передо мной. Затычки
дна атмосферы.

Подкрашен венчик. Он пунцовый.
И сразу вправленная точность
середки в церемонный цоколь
вменяет зрителю дотошность.

Что - самолетик за окошком
в неровностях стекла рывками
бессмертник огибая? - сошка,
клочок ума за облаками!

Цветок: не целок, не занозист,
как будто в ледяном орехе
рулетку, распыляя, носит
ничто без никакой помехи.

Но с кнопок обрывая карты,
которые чертил Коперник,
и в них завертывая Тартар,
себя копирует Бессмертник.

Он явственен над гробом грубо.
В нем смерть заклинила, как дверца.
Двуспинный. Короткодвугубый.
Стерня судеб. Рассада сердца.

Минус-корабль

От мрака я отделился, словно квакнула пакля,
сзади город истериков чернел в меловом спазме,
было жидкое море, пологое море пахло,
и, возвращаясь в тело, я понял, что Боже
спас мя.

Я помнил стычку на площади, свист и общие
страсти,
торчал я нейтрально у игрального автомата,
где женщина на дисплее реальной была отчасти,
границу этой реальности сдвигала
Шахерезада.

Я был рассеян, но помню тех, кто выпал из драки:
словно летя сквозь яблоню и коснуться пытаюсь
яблок, - не удавалось им выбрать одно, однако...
Плечеуглых грифонов формировалась стая.

А здесь - тишайшее море, как будто от анаши
глазные мышцы замедлились, - передай сигарету
горизонту спокойному, погоди, не спеши...
...от моллюска - корове, от идеи - предмету...

В горах шевелились изюмины дальних стад,
я брел побережьем, а память толкалась с тыла,
но в ритме исчезли рефлексия и надсад,
по временным промежуткам распределялась сила.

Ко дну шел минус-корабль, как на столе арак.
Новый центр пустоты плел предо мной дутар.
На хариусе веселом к нему я подплыл - пора! -
сосредоточился и перешагнул туда...

Термен⁵

1.

Безумец скакал на коне разлитом
фантомным винтом
а может быть гнулся в машине тупой
снегами

как короед на пари с короедом -
кто первый пройдет дровяной мешок
Термен летел воскрешать.

выкручивалась свастика метели -
4 хвостика
чувственной чернобурки на шее.

носорог обвешен и уставлен
шкурой
разворачивается энциклопедия движений его

в магнитном суховее

кукловодами и магистрами и это - лед и пурга

⁵ Изобретатель музыкального аппарата, известного по миру как "терменвокс". "Терменвокс" был основан на изменении электрического поля, работал как конденсатор, и таким образом изменял плотность поля и, соответственно, звук. Термен мог - и делал - исполнять музыку посредством самодвижения, озвучивая самого себя по ходу. Он был великий изобретатель всю свою жизнь. В частности, принцип его музыкального изобретения был одобрен Лениным и положен в систему охраны Кремля. По смерти вождя, изобретатель ринулся его воскрешать, т.к. обладал экстасенсорными способностями и был достаточно самоуверен. Но - опоздал.

Но мозг вождя тот слипшийся пельмень
 уже болтался на весах
 и перемигивался чет и нечет
 их перевешивала тень
 конкретной мухи пустеющей как государство

Что отражается в Лете?
 Солнце, Луна?
 Не суди по профилю на монете.

Девицы в вороних колготках
 на пристани
 Горки

Мерцающая судорожными молотками,
 лежащими в графических портфелях,
 прозекторы съезжались на дачу,
 наступало время последствий.

голова клюет в тазу носом
 как кувыркнувшаяся Ять
 таков теперь Ульянов с его мускулистым скелетом
 Термен,
 был тебе меценат, стал твой пациент.
 Стал сноской,
 Термен.

2.

Ульянов-несмеяна свинтил из Татарстана
 (надпись на стене в Калуге)

Был гимн нем и скакал Термен

прозекторы же рылись в гимне вождя.

Жиры и углеводы не делали погоды.

Лупили по стахановски в копилку.

Пустела муха перекрестная.⁶ И пальцы
прозекторов смыкались в Нем как пальцы

детей в песочнице - мы строим лабиринт,
и подземелье, Короленко, так охлаждает в зной.
Само собой, само собой.

И пятикрылый серафим ли-лабиринт прорыт в песке
имеет форму газовой разводки, и - неисповедим

тот осьминог, как был бы клетот его непредставим.
Мы треснем водки.

3.

Сны размышляют коллективно как стройбат
но разбегаются ища квадрат

а ты Термен им спутал ноги

⁶ *Муха.*

побудительная

повествовательная

питательная

обоснованная

лесопильная

преимущественная

намеренность воды

ух злится на нее.

обернутое в простыню
 Оно лежало до поры в сугробе
 был брошенный на обе
 лопатки этот ню

Как противошумовая стена by the freeway
 Лежало Оно в сугробе
 красноармейцы по струнке заиндевели как люди

посадских псов напрягался зрачок с голодухи,
но был охраняем знаток

Гегеля

4.

Всякий меняется головой, чаще - она сама.
 Термен летел меняться головой, неуследим.
 Олово слова Крестьянин никелированный Рабочий
 в себе ломал:
 и оба в даль смотрели, где непоспешный дым.

Как лужа дегтя висла бы над урной,
воспрянул человечище,
оспаривая мир изъятыми глазами.
Крахмальный доктор лечащий
смирел, как искра между полюсами.

Мороз скрипел, как Феликс и, однако,
явились в Горки жук, и муха и оса, -
стричь ауру, - согласно оккультистам
у свежих овощей она сохранна 3 часа.

Базель

Точка отменяется, - претит.

Буксир ползет, как станция в тудв-сюда эфире.

Ты невиновен или сыт.

И кафедральный храм, что выжимает гири,

работает; Эразм лежит без рифмы, да, автоответчик.

Надсад строений. Круглый и ребячий кислород.

Кто бритвой подчеркнул велосипедный рот,

летающий по мосту? - ты, идиот и метчик.

Она была свежа и - сука и - еще.

И кто обманет нас вдобавок?

Не храм пупырчатый и не язык с десятками заколок,
ё.

В натруженных руках мы сжали черный шар.

Дистанция важна, как нечто.

Тебе решать, но если ты нажал,

просунь свой монумент в летящее колечко.

Тип. Октябрь.

Шел он кверху, однако, влотьмах поломался бесшумно.

Помятый, как полотенце шахтера и бессильный,

как сброшенный ремень.

Он не нашел ничего, а предназначения

не предполагалось.

Самообман, как дырка для гвоздика в календаре,

на обложке которого - город (план сверху),

поэтому

отверстие воспринято, как рекламный целелин,

но его дважды нет.

Пиши, пиши (назидательный портрет)

1.

Т.Д.

Давай, пиши, будь с сравнением вперегонки.

Зубри русский, не забывая - о чем;

закрадись и - охватывай,

выпускай коготки.

На оставленном мотоцикле черный чехол,

прилипает и егозит под полуночным ветром, -

трепетней пушкинского черновика.

Учись, стань мэтром Т.Д. Как засек Ерема,

греки затачивали карандаши,

время капает с молотка.

Пиши, такое Время.

Одиночество усовершенствовало меня в этом.

Сон двоятся по скорости реакций

между жабой и змеей.

Не перелезай, как шлагоглотатель сквозь атом,

успокойся, ты - свой.

Ты здесь как здесь. Он - слишком там.

Грызи подушку. Мертвые сраму не имут.

Стремись к незапятнанности и будь сам себе зам.

Перед выстрелом позвони мне.

2.

Ц.У.

Лев на площадке разрушен, его лакает полнолуние.

Кулаки цветущих деревьев, Civic Center. S.F.

Тебя обглаживают пьяные валуны
побережья. Ыфа

сходна с Швейцарией, - долдонили в самоедском
детстве улик.

Как писать о тебе, чтоб - любопытно другим?

Вкрадчивость нанизанных сонных колец твоей физии...,
но ты не Ылисс.

Затачивай слог застенчивый. Спец, не треснись ниц,
как с сеткой яиц аккуратный слепец.

Не забывай о заброшенных самолетах в снегах,
распиленных субмаринах.

Не забывай о чертежах непробужденных,
Винчи недоведенных,
лопнувших, как сердце Сережи Москвина в винных
погребах. В оных

моделях - летающие ракушки и очерченные пузыри
застряли в условных зонах, как въевшиеся пружины
рухляди. Не ори.

Они ожили? Поперек себя, но - ожили.

Не выбирай между кожаной курткой и мотоциклом.
Будь доволен предшественниками, не имеющими
авторских прав.

Пиши свои циклы,
ля-ля-ля для трав.,

3.

С кроной каштана я стал обучаться взаимности.
Ульянов пальмовый грыз числитель
пионерского знаменателя.

Нега тщательности пасла нас
в силу необходимости.
Век заканчивался бессознательно.

Морской лев - подъязычный объем со связкой
висячих замков.
Через дужки замков мой типаж проскочил,
которого имени не ищу, - он с нами,
как и морские львы, близкие к яме.
Пролезание было по свойству подобно истоме.

4.

Письмо к другу

Там, где малина и отшиб хозяйства
и тайное растение бурлит,
и выходная арка, этот лобзик,
выпиливала детское всезнайство,
за речкой - цвинтер, дядька шастал с кобзой
я вспомнил образ твой, наперсник и пиит.

Сосед в уборной все таращится в очко,
шикарен, но тошнит в дощатой халабуде.
О, как ковбойствуя с тобой в ночном,
мы слог выпасывали - прочно не забудем.
Слепую тройку ведьм в малине, близкий гул
бомбордировщиков, свернувших на посадку,
соседа, стоящего на карауле памяти
вприсядку.

На снимке ты меж мраморных
морских коньков,
(а те - хвостами вверх),
как между ножек стула венского.
Вмурован сам в себя, и без обиняков
присваиваешь пыль веков. А свиду - инженер
но чеховского края. Из своего купе
бачь хлопца деревенского!

так одержимо гасла; на столетие
сутулых спичек хватит.

Ты заснят.

Паук

Лавируя на роликах впотьмах, я понимаю:
вокруг - вибрирующая страна.

Паука паутина немая
отражает равностороннюю дрему. И Сатана
и кобра были б робеющей парой возле.
Зако́нный паук тише, чем телефон мой в Базеле.

Начнем с середины: разлетелась шобла,
а он еще как-то ползал.

Эхо Москвы и затворник моей головы.
Вечный юбиляр, он секторный зал снял,
чем показал, что идет на Вы.
Водоворот безнаказанных запятых
и - крюком под дых.

Его отказ совершенству, как лезвием по стеклу.
Пионер, отведи окуляры.
Паук не напрашивался к столу.
Перепуган, как если бы к горлу его поднесли
циркулярку...
Он прибег к прозрачности, кошмары воспроизведя.
Ловит сон.

Паўтинка срабotaеt лoгoдa.

Тень от графина ребристого на скатерти с мухами -
снова - он, меняющий Муз на мух.
Обеспеченный слухами
сухопарый дух,
он заперся между строк,
паук.

Начнем с середины. С самостоятельной тишины.
 Паук изнутри сграбастан нервной системой.
 Шаровая молния и разрывы воли его сведены
 в вечный стоп, содрагающий стены
 панциря инсекта.
 Поцарапанный ноль, мой паук, ваш - некто.

Поцарапанный ноль - иллюминатор падающего
боинга,
 когда человеки грызли стекла и не достигали.
 Решетчатый пробег по прямой, дающей Бога -
 ты. А время, как цепочка на шее балаболки
переминается, предаваясь нулю. Совпали
 силы твоих расторопных касаний.
 Паук, спи, Везувий.

Начнем с середины. Ты дошел до ядра Селены,
 плетя небытия алгебрагические корзины,
"любовь моя, цвет зеленый".

Царь середины,
 замотавший муху в тусклую слюну,
 возвращая статую - сну.

Паук мой, пастух смертей.
 Слюнтяй, разбросанный по вселенной.
 Тебе - вертеть
 самое себя, набычась обыкновенной
 злобой и решительностью, мой бывший друг,
 натасканный на вдруг.

Белые мыши не ровня белым медведям.

1.

Я обголодался однажды как: он, она, они - все & + %,
и сказал себе: спать, спать без сносок.

Когда мы в постели горизонтально, нам снится
металлолом;

перпендикулярно, нам - снится воздух.

Как рулетка, ты спишь. И грезится снежный Мышь.

Не уследишь за хвостатым, и мы установили разом
чреватую точку на сущем его хвосте.

Верховные белые Мыши степенеют,
как страусиное яйцо, -

для них уравнены - тут и здесь.

Околпаченные заочно,
солидные Мыши готовы на черный лай
по мере роста павлиньего пера, цвета **S. F. night**.

Их ДНК - это же башня Татлина!

И эту двойную спираль выписывает тот хвост,
накрученный дважды на палец естествоиспытателя,
так, чтобы взявши за голову нашу Мышь,
дернуть с силой и услышать хруст, увядание мышц
позвоночника Твари: **er schläft been** спишь.

И Останкинский шприцшпиль
стянут подземной гайкой и гайкой на верхотуре,
как белый Мышь - позвоночником
завязан на разорванное Ничто.

Во дворе наша яблоня заливается белизной.

В парке пророчествует козодой.

Лабораторные ножницы стынут, висят на золотой цепочке.
Вой Мыша-одиночки.

Без обнародования ножницы взрезают брюхо
беспамятному Мышу.

И биолог шепчет: Она.

Как желуды, ее зародыши в животе,
или велосипедная цепь длинною в год,
продолжаю (А.П.), или Исход.

Мы выпустили всех белых мышей из зеркальной банки.

2.

Стройный, как папка, дремлющая на столе, -
скелет белого Мыша.

Друзья мои швырнули 6 разводные ключи на пол
и гоготали.

Я дрожал, как луковичная шелуха
при слабом дуновении.

Мыши ничего не создали.

И карусели приостановились пока таяло эскимо.

3.

Я отрекаюсь от обезьяны и присягаю Тебе.
Тебе присягали другие, но я не могу отвлечься.
Я не расслаблен настолько, чтобы начать с Б.
Пугало, пугало человечесьё -

Я. Озерная кривизна перенимает, а я не хочу.
Подхалим отражения замечателен в своем роде.
Я Тебя не ищу,
Ты найден в своей свободе.